

DOI: 10.31857/S241377150012293-5

А. Н. Веселовский: Данте и мытарства итальянского единства

© 2020 г. Паола Чони

Кандидат исторических наук,
директор Итальянского института культуры Санкт-Петербурга,
Россия, 190068, Санкт-Петербург, Театральная площадь, д. 10
paolacioni@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 22 февраля 2020 г.

Дата публикации: 31 октября 2020 г.

Резюме. Александр Веселовский провел в Италии три года (1864–1867 гг.). Этот период был очень плодотворным для его исследований и дал ему возможность наблюдать с близкого расстояния за социально-политической реальностью Италии после ее объединения. Сделанные тогда наблюдения породили серию очерков Веселовского, опубликованных в газете “Санкт-Петербургские ведомости”, которые являются важным историческим свидетельством об Италии тех лет, к сожалению, оставленным без должного внимания историков культуры. Его статьи, посвященные социальной и политической жизни Италии, отличаются той же строгостью и документальной точностью, которые характерны для его литературных записей. Речь идет об уникальном свидетельстве, дающем детальную картину политической и социальной жизни Италии после ее объединения и ценном оригинальностью мысли, предвосхитившей на многие десятилетия современную историографию Рисорджименто. В центре внимания автора данной статьи – особый аспект истории Италии того периода, о котором писал Веселовский, а именно “национализация масс” – концепция, которая войдет в современную историографию только в 70-е гг. XX в. В частности, речь идет о его статье “Данте и мытарства итальянского единства”, написанной в 1865 г. по случаю юбилея Данте.

Ключевые слова: А.Н. Веселовский, Данте Алигьери, итальянское единство, национализация масс, Э. Хобсбаум.

Для цитирования: Чони Паола. А.Н. Веселовский: Данте и мытарства итальянского единства // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 5–15. DOI: 10.31857/S241377150012293-5.

A. N. Veselovsky: Dante and the Ordeal of the Italian Unification

© 2020 Paola Cioni

Cand. Sci. (Hist.),
Director of Italian Institute of Culture in Saint Petersburg,
10 Teatralnaya Sq., Saint Petersburg, 190068, Russia
paolacioni@gmail.com

Received by Editor on February 22, 2020

Date of publication October 31, 2020

Abstract. The period that Alexander Veselovsky spent in Italy (from 1864 to 1867) was very fruitful for his studies and allowed him, thanks to his access to Italian libraries and archives, to publish important scholarly works, including *The Paradise of Alberti*. His sojourn in Italy also enabled him to closely observe Italian society and politics after Italian unification. These observations gave

rise to a series of articles published in the *Sankt Peterburgskie Vedomosti*, which in their entirety constitute an important documentation of the history of Italy in those years, which historians have unfortunately neglected until now. It is a very precious documentation, which offers not only a detailed testimony of the political and social life of Italy during the 1860s, but also interpretations of rare intelligence, which would become part of the historiography on the Risorgimento only in the 20th century. The article focuses on Veselovsky's reflections on a particular aspect of the history of Italy of those years, i.e. "the nationalization of the masses", a concept that would become part of contemporary historiography only in the 1970s, and, specifically, on the article *Dante and the Myth of Italian Unification*.

Key words: A.N. Veselovsky, Dante Alighieri, Italian unification, the nationalisation of the masses, E. Hobsbawm.

For citation: Cioni, Paola. *A.N. Veselovskij i mytarstva italjanskogo edinstva* [A.N. Veselovsky: Dante and the Ordeal of the Italian Unification]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 5, pp. 5–15. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150012293-5.

Александр Веселовский — великий русский ученый, академик, теоретик и историк литературы. Его творческое наследие чрезвычайно богато. При этом Веселовский внес фундаментальный вклад в исследования по итальянистике, а также оставил ценные историко-литературные свидетельства об Италии в период после ее объединения. О его интересе к жизни в Италии в эпоху Рисорджименто свидетельствуют записи в дневниках и около десятка статей, которые он писал для русских газет, а гонорары использовал для продолжения учебы за границей. К этому можно добавить письма, адресованные наиболее уважаемым представителям итальянской интеллектуальной элиты той эпохи, которые позволяют реконструировать "взаимоотношения исследователя с итальянской культурой тех лет, в частности с Дж. Кардуччи, А. Д'Анконой" [1, с. 24], сыгравшие важнейшую роль в последующем развитии мысли ученого. За годы, проведенные в Италии, как отмечает исследователь Чезаре де Микелис, Веселовский действительно вырабатывает собственный научный подход, поэтому, перечитывая его публицистику, мы можем оценить "его способ рассматривать сквозь призму современности эпоху Возрождения и Реформации" [2, с. 102].

Хотя весь корпус статей и дневниковых записей, сделанных за время двух периодов пребывания Веселовского в Италии, не позволяет причислить ученого к историкам итальянского Рисорджименто, эти источники представляют большой интерес, так как, с одной стороны, являются точкой зрения внешнего наблюдателя, который, как зачастую случается, может рассматривать события отстраненно и с большей объективностью, чем непосредственные их участники, а с другой стороны,

записки отличаются особенной оригинальностью. При этом речь идет о документах, которые до сих пор не попадали в фокус пристального внимания итальянистов.

Действительно, Веселовский в своих записках останавливается не только на значительных личностях и событиях, имеющих историческое и судьбоносное значение. В центре его внимания оказывается городская повседневная жизнь римских ремесленников с Виа дель Корсо¹, простых людей, живущих около Колизея, флорентийские празднества по случаю юбилея со дня рождения Данте, религиозное чувство, чувство народа. Это, на наш взгляд, делает его предвестником нового этапа в историографии, когда социальной жизни стало уделяться больше внимания по сравнению с политической жизнью и исследователей стали больше волновать настроения людей, чем побуждения отдельных великих личностей². Поскольку Веселовский был "шестидесятником" и представителем "догматического реализма", в нем "жила вечная вражда ко всякому субъективизму в познании, к истолкованию исторических фактов на почве общего мировоззрения какой-нибудь определенной философской школы" [3, с. 2]. В этом смысле реализм, с которым он относится к фактам, его способность анализировать даже мельчайшие события позволяют ему проникнуть в суть итальянских реалий, уловить в них аспекты, которые, как мы увидим, войдут в общепринятую историографию только в следующем веке.

¹ Виа дель Корсо — одна из центральных улиц Рима, связывающая Пьяцца дель Пополо и Пьяцца Венеция.

² Характерной в рамках этой тенденции является школа "Анналов" и в особенности статьи историка Люсьена Февра.

Веселовский посвящает современной ему Италии две статьи (“От Ниццы до Генуи” и “Один день в Венеции” [4, с. 11–12, 13–27]), написанные для “Русского вестника” во время его первого пребывания в Италии в течение нескольких месяцев в 1861 г., а также десять статей, созданных во второй период жизни в стране (1864–1867 гг.), шесть из которых были опубликованы в “Санкт-Петербургских ведомостях” (“Религиозное возрождение Италии и протестантская пропаганда”, “Старая и новая Италия” [4, с. 28–47, 48–59], “Католические монастыри и католическая жизнь в Италии”, “Данте и мытарства итальянского единства” [5, с. 60–117, 30–41], “Народное образование в Италии”, “Италия после войны 1866 года” [4, с. 118–136, 144–161]), а еще четыре статьи остались не изданными при жизни (“О народной политической поэзии в Италии”, опубликованная В.Е. Гусевым в 1959 г. [6], “La bella Italia и наши северные туристы”, вышедшая в 1922 г. [7], “Что говорят газеты и о чем газеты не говорят” и “Мадзинское движение и итальянские *liberi pensatori*”³), вполне вероятно, по причине того, что содержание этих статей было слишком близко к идеям демократического движения, из-за чего они бы неминуемо подверглись цензуре.

До настоящего момента к этим записям не было большого интереса, если не считать статей И.К. Горского [9]⁴, М.И. Ковальской [8] и М. Марцадури [10], в которых, однако,

³ Обе статьи не изданы на данный момент. Первая из них находится в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 45. Соч. 1. Л. 1–17, № 17), а статья “Мадзинское движение и итальянские *liberi pensatori*” сохранилась лишь частично (см.: [8, с. 242]).

⁴ В этой статье, на наш взгляд, толкование предвзято и нацелено на то, чтобы показать влияние на ученого революционного движения, особенно в оценке итальянской политической жизни. Это влияние, несомненно, существовало, учитывая, что в университетские годы Веселовский посещал кружок Рыбникова-Свириденко, где тайно читали Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Фейербаха, Гегеля и др., а в последние годы, когда Веселовский жил во Флоренции, он встречался с русскими эмигрантами, собиравшимися в доме художника Н.Н. Ге (см.: [11]), однако, по нашему мнению, подобное толкование кажется преувеличением. Вероятно, И.К. Горский, как и В.М. Жирмунский [12], и В.Ф. Шишмарев [13], пытался защитить произведение Веселовского, попавшие в советские годы под цензуру, и приблизить великого русского исследователя к революционному движению (см.: [14, р. 385]). С одной стороны, подчеркивалась его близость к Добролюбову и Чернышевскому, а с другой — делались попытки связать его с Н.Я. Марром, пользовавшимся благосклонностью Сталина (см.: [13]). Такие теории решительно отвергались Р.И. Хлодовским (см.: [15]).

основное внимание уделяется влиянию итальянских знакомств на литературное и интеллектуальное становление самого Веселовского. Обстоятельный анализ итальянской реальности, проведенный Веселовским, заслуживает специального изучения. Он позволяет проследить сложную научную эволюцию русского ученого, проявившуюся в публицистических произведениях Веселовского, особенно в тех, которые относятся к периоду между 1864 и 1867 гг. По этому поводу И.К. Горский утверждает, что проведенные в Италии годы являются “особенно благоприятными для [его] идейно-научного становления”, не только из-за интеллектуальных знакомств Веселовского и их влияния на него, но также поскольку наблюдение за итальянской реальностью дает ему возможность выработать свой “исторический подход к рассмотрению всех эпох”, который он впоследствии применит к своим литературным исследованиям. “Целью всех усилий Веселовского, — пишет И.К. Горский, — было поднять историю литературы на ступень специальной науки. Для этого необходим был исторический подход к рассмотрению всех эпох поэтического развития начиная с древнейших пор” [16]. Этот же подход он применял к изучению современной ему Италии. Действительно, сколько бы Веселовский ни заявлял, что нехотя занимается журналистикой, и сколько бы ни писал, что неоднократно был вынужден сотрудничать в газетах из-за нехватки денег, в его статьях, посвященных социальной и политической жизни Италии, прослеживаются те же строгость и документальная точность, которые характеризуют его литературные записи. Речь идет о документах исключительной важности, которые не только дают детальную картину политической и социальной жизни Италии после ее объединения, но также отличаются оригинальностью мысли автора, который зачастую предвосхищает на много десятилетий самую современную историографию Рисорджименто.

Чтобы проанализировать отдельные статьи и богатые наблюдения Веселовского над итальянской реальностью, потребовалась бы целая книга, поэтому мы сосредоточим наше внимание на одном из самых интересных, на наш взгляд, аспектов, выделенных ученым, — “национализации масс” (особенно в контексте статьи “Данте и мытарства итальянского единства”) — концепции, которая войдет в сферу историографического анализа только в 70–80-е гг. XX века.

После короткого путешествия в Италию в 1861 г. вместе с семьей Голицыных, у которых Веселовский служил гувернером, он вернулся в Европу в 1862 г. благодаря стипендии Московского университета, которая позволила ему продолжить учебу сначала в Берлине, затем в Праге, и в конце концов он обоснуется в Италии и проживет между Флоренцией и Пизой с 1864 по 1867 г.

После провозглашения итальянского единства Флоренция превратилась в космополитичный центр эмиграции анархистов, агитаторов-социалистов, революционеров различного толка. В январе 1864 г. туда приехал особый эмигрант — Михаил Бакунин. Именно тогда во Флоренции оказался и Александр Веселовский, хотя туда его привели отнюдь не политические и тем более не революционные настроения. После возвращения на родину он углубил свои знания итальянской литературы и теперь прибыл во Флоренцию для изучения итальянского Возрождения, для чего накопил большую “массу” документов [17, с. 425]. Осознавая, что труд такого масштаба не может быть написан “*à vol d’oiseau*” [17 с. 426], он занимается подготовкой к публикации рукописи сборника новелл Джованни Герардо да Прато, которую обнаружил в Библиотеке Риччардиана, дав ей название “*Il Paradiso degli Alberti*” (книга вышла в Болонье в 1867 г. [18]). Как пишет М. Марцадури, речь идет о важнейшей итальянской работе Веселовского [10], еще отмеченной романтизмом, в которой народ является движущей силой истории (см.: [19, с. 90]).

Во Флоренции Веселовский познакомился с ученым и писателем Анджело де Губернатисом, который в 1865 г. женился на Софье Безобразовой, двоюродной сестре Бакунина. Анджело де Губернатис был филологом, но при этом увлекался социальными и политическими вопросами. Дружба с ним послужила сближению Веселовского с демократическим движением. Эта мысль находит подтверждение в журнальных статьях 1864–1867 гг., которые он писал, чтобы иметь возможность продолжить учебу. Веселовский приехал в Италию, имея в кармане только две тысячи рублей. Стипендию ему не возобновили, приходилось рассчитывать на гонорары за статьи в газете “Санкт-Петербургские ведомости” и надеяться на помощь отца [17, с. 425]. Открытая поддержка реформ Александра II и воодушевление, выражаемые на страницах газеты, возглавляемой В.Ф. Коршем, характерны также

и для статей Веселовского. Всегда точные и документально подтвержденные наблюдения итальянской действительности адресованы российскому обществу тех лет [10, р. 93]. Эти статьи имеют особое значение, так как Веселовский показывает себя внимательным наблюдателем, осведомленным в вопросах политики и заинтересованным в социальной проблематике. Страна в его описаниях предстает отсталой, сохраняющей серьезные различия между более развитым севером и югом, где высок процент неграмотного населения и значителен разрыв между правительством и народом.

Участвуя в дискуссиях на темы, характерные для русского народничества, затрагивающие социальный палингенез будущего итальянского социализма, прогрессивные круги Флоренции в начале шестидесятых годов серьезно изучали и анализировали подчас драматические проблемы молодого итальянского государства. Но, несмотря на становление в те годы русских прогрессистских кружков во Флоренции, которые Веселовский посещал, создается впечатление, что дружба с итальянскими интеллектуалами и особенно с А. де Губернатисом имела для него решающее значение. Интересно отметить, как Веселовский в своей статье “О народной политической поэзии в Италии” [6, с. 361–373] отозвался о песне “*La sociale*”, написанной Де Губернатисом по просьбе Бакунина, желавшего получить новую “Марсельезу”: “В многих словах <это> целая социальная революция” [6, с. 373]. Веселовский приводит отрывки из этой композиции, построенной на рифмованных одиннадцатисложных стихах, и называет ее “народной”. По мнению М. Марцадури, такое определение объясняется тезисом, выдвинутым Веселовским в его статье, о просвещенном характере итальянского народного творчества [10, с. 75]. Действительно, именно Де Губернатис опубликовал первую статью Веселовского на итальянском языке “*La Griselda di Boccaccio e la Novella russa*” (“Гризельда Боккаччо и русская новелла”) в журнале “*La Civiltà Italiana*” [20], которым руководил сам Де Губернатис в сотрудничестве с известными филологами и литераторами, в том числе с Д’Анконой, Дж.И. Асколи, Дж. Кардуччи, Е. Теза, А. де Меис, а также с историком П. Виллари. Вслед за короткой статьей Веселовским был написан очерк, опубликованный также благодаря поддержке Де Губернатиса [17, с. 426], — “*Le tradizioni*

popolari nei poemi di Antonio Pucci” (“Народные традиции в стихах Антонио Пуччи”) [21], и длинное вступление к “La favola della fanciulla perseguitata” (“Новелле о дочери дакийского короля”) [22]. Де Губернатис способствовал знакомству Веселовского с Д’Анконой, который, в свою очередь, представил его Дж. Кардуччи и Д. Компаретти. Так Веселовский стал частью молодежного академического мира Италии, обмен идеями с представителями которого оказал на него влияние и дал направление дальнейшему развитию его исследований. С этой интеллектуальной средой он ощущал себя в полной гармонии, что даже заставило его задуматься о переезде в Италию [17, с. 426].

В этот период Веселовский отошел от мифологической школы Буслаева и начал заниматься исследованием исторических отношений (см.: [23, с. 271–315]), что позволяет причислить его к основателям исторической поэтики. Сам он пишет в автобиографии: «Буслаев дал мне интерес к Гриммовскому направлению — в приложение к изучению русско-славянского материала; но некоторые стороны дела, постановка мифических гипотез и “романтизм народности” никогда меня не удовлетворяли, и у меня немного найдется статей, в которых отразилась бы эта Буслаевская струя (рецензии в “Летописи” Тихонравова, “Le Tradizioni popolari nei poemi d’Antonio Pucci”, “Novella della figlia del re di Dacia”, “Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса”). С другой стороны, у меня сложился интерес к культурно-историческим вопросам, к Kulturgeschichte» [17, с. 425]. Такой переход к исторической поэтике и отступление от “абстрактных мифологических теорий, направленных на реконструкцию архетипов на основании их различия и принимаемых ими значений в зависимости от литературных мотивов, связанных с историческими событиями и личностью автора”, происходят именно благодаря итальянским знакомым [24]. Сам Веселовский утверждает, что когда начал общаться с Д’Анконой, Кардуччи и Компаретти, “...почувствовал почву под ногами”, и ему “стало работать легче” [17, с. 426].

Несмотря на полное погружение в изучение гуманитарных наук в различных итальянских библиотеках, Веселовский наблюдает и точно, со свойственной ему абсолютной реалистичностью, подмечает происходящие в стране изменения. Б.М. Энгельгардт пишет:

“Реальная жизнь! Он ищет [ее] повсюду” [3, с. 22]. От него не ускользают искусственность, гротескность и риторика празднования шестисотлетия со дня рождения Данте. Действительно, в 1865 г. во Флоренции правительство не упустило возможности придать празднованию юбилея поэта открыто политический и патриотический характер. Политикам вторили поэты и писатели (среди них и Виктор Гюго), которые вне зависимости от собственного политического мировоззрения пришли к единой мысли о необходимости чествования великого поэта как символа единства Италии. Как пишет Бруно Тобия, “в то время Рисорджименто и культ Данте шли рука об руку. <...> Люди разных направленностей были согласны идеалистически видеть в нем легендарную личность в истории Италии” [25, р. 75]. Такая трактовка решительно отвергалась Веселовским, который в своих оценках высказывал интерпретацию, поражающую в те времена своей современностью. Легенда о Данте, который мечтал и стал предшественником объединения Италии, составляла важную часть риторики и пропаганды Рисорджименто и оказалась в центре организованных торжеств. Мистификация идеала общественно-политического устройства из трактата Данте “О Монархии” предполагала возможность его приспособления в буржуазном, антиавстрийском, савойском ключе, что выглядело большим преувеличением. Остро-полюемичным тоном, не свойственным ученому, он критикует итальянское правительство, виновное в полном искажении представления о флорентийском поэте: “Знают ли эти процессии из разных городов, идущие к памятнику [Данте] на Санта Кроче, что этот человек, когда он еще не был в мраморе, призывал в Италию немецкого императора?” [5, с. 30]. Очевидно, они этого не знали или делали вид, что не знают, и такое отношение было невыносимым для Веселовского.

Русский ученый не разделял риторического пафоса празднований и считал неприемлемым, что уважаемые итальянские интеллектуалы согласны с установкой правительства. Верным для него был лишь исторический подход к произведениям великого флорентийского поэта, позволяющий рассматривать их в контексте соответствующей эпохи, как Веселовский подчеркивал в рецензии на книгу Дж. Флото “Данте, его жизнь и произведения”, опубликованную в 1859 г. в “Отечественных записках” [5, с. 1–13], предупреждая,

что писатель неотделим от современности. Эта же мысль прозвучит в научной статье “Данте и символическая поэзия в Италии”, написанной также во время празднований во Флоренции [5, с. 42–112]. Здесь Веселовский касается проблематики искаженных прочтений Данте в разные эпохи. “Если Данте, — пишет он, — отразил в себе поэтическую космогонию средних веков католичества, то в XV его заставили отзываться на платонические прения флорентийских академий; в XVI он принужден был пойти в сравнение с Гомером. Потом поочередно он становился еретиком, революционером, рьяным защитником единой Италии, всегда по требованию времени” [5, с. 46–47]. Веселовский не останавливается лишь на историко-литературном анализе: он видит в процессе сакрализации поэта одновременную сакрализацию нации и понимает, что инициатива, запущенная итальянским правительством и флорентийским муниципалитетом есть не что иное, как, пользуясь термином, предложенным историком Дж. Моссом, “национализация масс” [26].

Концепция “национализации масс” стала очень популярной в 80-е и 90-е годы XX в. Она рассматривает такое масштабное явление, как “педагогика нации”, имевшее место во многих странах Европы на рубеже XIX и XX вв. Данный процесс датируется началом XIX в. с появлением определения понятия “нация” как коллективной сущности, заключающей в себе политический суверенитет. Но при этом нация не является действительной исторической реальностью, как уточняют впоследствии другие авторитетные философы, в том числе Э. Геллнер [27] и Э. Хобсбаум [28], объясняющие, что речь идет о концепции, изобретенной теоретиками национальных государств. В частности, Хобсбаум пишет, что критерии, используемые для описания нации и/или национальности: “язык, этнические характеристики и все прочее, — являются весьма зыбкими, неустойчивыми и двусмысленными” [28, р. 5]. Не имея возможности опираться на объективные критерии, заключает британский ученый, можно попробовать найти некий коллективный или индивидуальный субъективный критерий, как, например, “осознание принадлежности” [28, с. 7]. Но даже в таком случае речь идет о концепции, полученной *a posteriori*.

Удивительным образом для той эпохи Веселовский задается теми же вопросами, что

и Хобсбаум, и приходит к тем же выводам: “На самом деле на чём основывается национальность? Не на расе, не на языке, в этом я думаю все согласятся со мной <...>. Наши национальности, все без исключения сложились путем завоевания, если не колонизации” [5, с. 41]. А в статье, написанной за год до празднеств, он писал в этом же ключе: “К характеристическим отличиям новой Италии относится идея итальянской национальности, совершенно незнакомая старому времени” [4, с. 50]. Слово “национальный” “привешивается теперь ко всему, к чему только можно грамматически привесить”: от фабрик до страхования, от сигар до пива, не отмечая тот факт, что пиво “без сомнения принесено немцами” [4, с. 51]. С явным сарказмом Веселовский отрицает романтическую концепцию нации, которая, как хорошо объяснил это великий историк Федерико Шабо, «в противовес дорогой просветителям идеи “разума”, отстаивала права на фантазию и на чувства, в противовес уравновешенному и сдержанному здравому смыслу просветителей провозглашала права на страсть» [29, р. 48]. Веселовский, по собственному признанию, не любил смотреть на мир “сквозь розовые очки романтизма”. Со свойственным ему глубоким реализмом, он не мог не обратить внимания на реальные проблемы страны и на механизмы национализации масс, запущенные новым итальянским правительством для того, чтобы создать условия для появления чувства национальной принадлежности во время празднований в честь юбилея Данте, и их религиозную символику⁵, необходимую для привлечения масс к политическому дискурсу: “процессия к памятнику Данте”, “канонизация поэта”. Это было не что иное, как способ привить народу культ нации, в чем, несомненно, участвовали сознательно или бессознательно многие интеллектуалы того времени.

В этом смысле в 1861 г. Дж. Кардуччи, который в тот период занимался созданием плана единого развития национальной литературы, писал: “Поэты в этих эпопеях становятся великими вдохновителями, историками, философами, политиками народов, среди которых расцветают. <...> Таков и для итальянцев Данте, Данте все так же молод для нас через

⁵ По мнению Дж. Моссе, поскольку концепция нации была новой, для вовлечения масс в политический дискурс создавались формы коммуникации, рассматривающие политический дискурс как религиозный (см.: [26]).

600 лет, в Данте мы обнаруживаем нашу религиозную и политическую веру, в нем — наша философия и наша история” [30, р. 236].

В то время Бруно Тобия писал: “Данный культ довольно скоро нашел свое продолжение в монументальной сфере” [25, с. 75], и статуя Данте на площади Санта Кроче стала “местом, где национальный праздник мог найти свою часть сакрального пространства для проведения светского ритуала новой принадлежности” [25, с. 77]. Неслучайно Веселовский отмечает: “Праздник 14–16 мая был на столько же праздником Данте, на сколько праздником итальянского единства” [5, с. 30].

Однако от этих празднеств народ не получил никакой выгоды. По поводу закрытия фабрик в дни чествования Данте Веселовский отметил, что это никак не повлияло на безработицу в королевстве. О закрытии школ он пишет, что тысячи флорентийских детей остались без горячего супа. Однако Веселовский в своей социальной критике идет гораздо дальше указания на наиболее вопиющие аспекты празднований юбилея Данте. Он в полной мере улавливает, что идея объединенной Италии начинает требовать слишком многого, давая мало взамен: “Народ не идеалист: он отдаст вам сто политических теорий за дешевую пищу, за копеечную сигару, сносные налоги и теплый уголок под крышей, особенно когда все это прикрашено самою небольшою дозой муниципальной славы. Взамен всего этого итальянское единство увеличивает налоги, сигары повысились в цене с 5 сент<е-зимо> на 7, квартиры и пища подорожали, солдатчины стало больше, а муниципальной славы меньше” [5, с. 34].

Помимо перекосов истории и истории литературы Веселовский отмечает, что попытка создать национальную сплоченность провалилась: с одной стороны, она обнажила существование местничества, а с другой стороны, политика правительства пренебрегала и даже обостряла проблемы народа. В статье 1865 г. “Старая и новая Италия” [4, с. 48–59] Веселовский показывает свою заинтересованность процессом национализации масс, особенно в том, что касается “изобретения традиции”, — механизмы этого явления будут объяснены Э. Хобсбаумом и Т. Рейнджером 100 лет спустя (см.: [31]). Веселовский приводит не один пример подобных “изобретений” и перекосов истории, начиная с литературы и заканчивая искусством. В литературе эпохи он отмечает

расцвет исторического романа, родившегося по модели “Обрученных” А. Мандзони, с дидактическими намерениями и с целью создать идею и образ Италии из прошлого, нацеленной на достижение государственного единства. Приводя в пример “Гросси, Николини, Розини, Массимо Д’Адзелио и в особенности Гуэрацци”, он подчеркивает в их работах исторические несоответствия, помимо низкого качества самих произведений, цель которых — найти в прошлом невероятные примеры, чтобы оправдать идею нации [4, с. 56].

Веселовский остается чужд риторике и настроению, которые вовлекли множество интеллектуалов в чествование нового государства. Его мнение отличается реализмом: он изобличает некоторые аспекты происходящего, в то время ускользавшие от многих. Он очень точно замечает: “Италии пока еще нет — она еще делается, и нельзя сказать, чтобы хорошо делалась” [4, с. 53]. Различия в обществе, присутствовавшие в стране до 1861 г., не преодолены, и надежды, предшествовавшие объединению Италии, сменились грустным разочарованием. С одной стороны, риторика, с другой — бедный флорентийский народ, условия жизни которого только ухудшились с объединением Италии, поскольку повысились налоги и арендная плата, увеличился срок военной службы и выросли цены на продукты питания [4, с. 34]. «Понятно, — пишет Веселовский, — что они сообща устраивают праздники, ставят статую своим воображаемым героям и вместе ходят в торжественных ходах. Народ сторонится, его не пускают, топчут жандармами, загораживают перилами от “народного” праздника, и вместе с этим закрывают фабрики на первые дни юбилея, несмотря на представление работников, что им есть будет нечего» [5, с. 34]. Это организованное пьемонтским правительством и муниципалитетом Флоренции мероприятие для Веселовского — не что иное, как “официальный праздник с заказными восторгами”. Оно сопровождается арестами и конфискацией газет. “Свобода слова и свобода печати существуют только на словах”, — жалуется Веселовский в наиболее критической своей статье “Что говорят газеты и о чем они не говорят”, написанной за время пребывания в Италии и, возможно, именно поэтому так и не изданной (см. выше сноску 3). В ней он отмечает, что пьемонтские власти тщетно пытаются выставить на обозрение Европы махинации в кругу папы римского или последователей Мадзини

вместо того, чтобы признать самих себя причиной народного недовольства. В статье “О народной политической поэзии” он пишет: “Для народа целая Италия — все-таки политическая величина, в которой одно министерство, но разные интересы и противоречивые интересы. Итальянцы чувствуют себя, прежде всего, тосканцем, генуэзцем, римлянином” [6, с. 370].

Объединение Италии для Веселовского — процесс, насаждаемый сверху⁶, но он уверен, что никакие изменения не могли бы осуществиться без активного участия народных масс: “Всякий прогресс в обществе сводится к потребностям большей свободы, к удалению стеснений самостоятельного развития народа” [4, с. 28]. Переворот любого типа должен касаться всех сфер гражданской жизни, либо это будет “произведением немногих голов, высиженным в тиши кабинета” [4, с. 28]. В этом — причина того, что народные массы не принимают новое пьемонтское правительство.

Чтобы найти выход из этого раскола и вовлечь массы в политическую жизнь, по мнению Веселовского, необходима обширная воспитательная программа, которая освободит массы от “пагубного” влияния Церкви и позволит им развить свою собственную автономную культуру. Проблема народного образования — постоянный элемент его статей. “Прежде всего, образование, — пишет Веселовский, — в нем условия будущей свободы и благосостояния” [4, с. 145]. К этим мыслям он возвращается от самой первой до самой последней корреспонденции из Италии, набрасывая схему развития итальянского общества, в котором выделяет трех участников в борьбе за гегемонию: “папа, император, местный протест, то есть в новом облачении тот же папа, император и коммуны” [4, с. 109]. Победа не за силой, которая всегда так или иначе была у народа, а за сознанием этой силы. “Только образование, грамотность дают человеку личность, самостоятельность, возможность определить свои права и свои отношения к окружающей среде” [4, с. 119] (а, разумеется, не сбор налогов, аресты, цензура или мистификация прошлого).

⁶ В действительности Веселовский различает две фазы процесса, который приводит к объединению: первая фаза, делящаяся от первых возмущений в 20-х гг. XIX в. до экспедиции “Тысячи”, осуществлявшейся при поддержке народа; и вторая фаза, продолжавшаяся с 1861 г. до провозглашения Единства, когда Пьемонт навязал народу свою политику и между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, разверзлась пропасть.

В резкой критике политической и социальной жизни Италии после объединения И.К. Горский увидел сильное влияние русской революционной мысли. Этот аспект, несомненно, присутствует в публицистике Веселовского тех лет, но, на наш взгляд, он является второстепенным. Веселовский наблюдает за современной ему реальностью с таким же подходом, с каким он изучает прошедшие эпохи с целью определить “общую схему исторического процесса”, на основе которой он проводит свои литературные исследования. Модель развития, которую он представляет себе, используется в социальных науках. Она основывается на строгом наблюдении за фактами, даже за самыми незначительными, на возникающих между ними связях, на поиске констант развития и отношений причин и действий. Неслучайно во всех статьях, написанных в Италии, постоянно встречаются отсылки к прошлому и сравнения с ним. Именно в этом заключается его метод наблюдения: научная строгость, крайний реализм, а также, естественно, тот факт, что он является внешним наблюдателем, не вовлеченным в те события, которые становятся предметами его статей. Веселовский разоблачает реальность, которая станет предметом исследований только спустя много лет.

В Италии, как отмечает Серджио Маццанти [14], Веселовский в течение долгого времени был забыт. Только в 1960-е гг., благодаря формалистам, к изучению его письменного наследия вернулись итальянисты, специалисты по семиотике, слависты, но не историки. Его публицистические труды, несомненно, заслуживают большего внимания не только из-за содержащихся в них передовых идей, о чем было упомянуто ранее, но также потому, что это — составная часть его интеллектуального становления, и ее следует рассматривать в контексте сложной научной деятельности Веселовского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гонелли Л.М.* А.Н. Веселовский и Алессандро Д’Анконе // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2011. С. 230–261.
2. *De Michelis, C.* Veselovskij e il protestantesimo risorgimentale // Studi e scritti in memoria di M. Marzaduri. Padova: Cleup, 2002. P. 101–109.

3. *Энгельгардт Б.М.* Александр Николаевич Веселовский. Пг.: Колос, 1924. 214 с.
4. *Веселовский А.Н.* Собр. сочинений. Т. 4. Вып. 2 [Серия II: Италия и Возрождение. Т. 2. Вып. 2 (1861–1876)]. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. VI, 336 с.
5. *Веселовский А.Н.* Собр. сочинений. Т. 3 [Серия II: Италия и Возрождение. Т. 1 (1859–1870)]. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. 586 с.
6. *Гусев В.Е.* Неизвестная статья Александра Веселовского <“О народной политической поэзии в Италии”> // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1959. Т. 18. Вып. 4. С. 358–374.
7. *Веселовский А.Н.* La Bella Italia и наши северные туристы // Литературная мысль. Ч. 1. Пг., 1922. С. 8–9.
8. *Ковальская М.И.* А.Н. Веселовский и итальянское Рисорджименто // Проблемы итальянской истории. М., 1987. С. 229–249.
9. *Горский И.К.* Данте и некоторые вопросы исторического развития Италии в трудах и высказываниях А.Н. Веселовского // Дантовские чтения. М.: Наука, 1973. С. 65–141.
10. *Marzaduri M.* Gli anni italiani di A.N. Veselovskij // Annali della facolta' di lingue e letterature straniere di Ca Foscari. Vol. 12. 1973. P. 73–97.
11. *Ге Н.Н.* Письма. Статьи. Критика. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1978. 400 с.
12. *Жирмунский В.М.* Историческая поэтика Александра Веселовского // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. С. 3–41.
13. *Шишмарев В.Ф.* Н.Я. Марр и А.Н. Веселовский // Язык и мышление. Т. VIII. М.; Л., 1937. С. 321–343.
14. *Mazzanti S.* La ricezione di A.N. Veselovskij // Ricerche slavistiche. 11 (57). 2013. P. 369–425.
15. *Chlodovskij R.* Aleksandr Veselovskij e l'Italia // I Russi e l'Italia / A cura di V. Strada. Milano: Banco Ambrosiano Veneto, 1995.
16. *Горский И.К.* Об исторической поэтике Александра Веселовского. М.: Высшая школа, 1989 [электронный ресурс: http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_0020.shtml].
17. *Пытин А.Н.* История русской этнографии: [В 4 т.]. Т. 2. СПб., 1891. 428 с.
18. *Da Prato G.* Villa Alberti: ritrovi e ragionamenti del 1389. Romanzo / Dal codice autografo e anonimo della Ricciardiana a cura di Alessandro Wesselofsky. Bologna: Gaetano Romagnoli, 1867. 369 p.
19. *Азадовский М.К.* А.Н. Веселовский как исследователь фольклора // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1938. № 4. С. 97–101.
20. *Weselofsky A.* La Griselda di Boccaccio e la Novella russa // La Civiltà Italiana. 1864. № 1. P. 156–157.
21. *Weselofsky A.* Le tradizioni popolari nei poemi di Antonio Pucci // L'Ateneo Italiano. Giornale di Scienze, Lettere e Arti, con le Effemeridi del Pubblico Insegnamento. 1866. № 15, 15 aprile. P. 225–229.
22. *Weselofsky A.* La favola della fanciulla perseguitata // Novella della figlia del re di Dacia. Pisa: Nistri, 1866. P. 112.
23. *Rabboni R.* Il Pucci di D'Ancona e Veselovskij Firenze alla vigilia del Rinascimento. Antonio Pucci e i suoi contemporanei // Atti del convegno di Montreal 22–23 ottobre 2004, McGill University. A cura di M. Bendinelli Predelli. Fiesole: Cadmo, 2006. P. 271–315.
24. *Rabboni R.* Un articolo di A. N. Veselovskij: “L'usura nella scala dei peccati in Dante” (1889) // Lettere Italiane. 2008. Vol. 60. № 4. P. 473–509.
25. *Tobia B.* La statuaria dantesca nell'Italia liberale: tradizione, indentita' e culto della nazione) // Mélanges de l'école française de Rome Année 1997, № 109–1. P. 75–87.
26. *Mosse G.* La nazionalizzazione delle masse. Simbolismo politico e movimenti di massa in Germania (1812–1933). Bologna Il Mulino 1975. 311 p.
27. *Gellner E.* Nations and nationalism, Oxford, 1983.
28. *Hobsbawn E.* Nations and nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Second edition. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. 199 p.
29. *Chabod F.* L'idea di Nazione. 20 ed. Roma: Laterza, 2008. 165 p.
30. *Carducci G.* Primizie e reliquie. Bologna: N. Zanichelli, 1928. 381 p.
31. *Hobsbawn E., Ranger T.* L'invenzione della tradizione, Torino, Einaudi. 1983. 202 p.

REFERENCES

1. *Gonelli, L.M.* A.N. Veselovskii i Alessandro D'Ankona [A.N. Veselovsky and Alessandro d'Ancona]. *Aleksandr Veselovskii. Aktualnye aspekty naslediiia. Issledovaniia i materialy* [Alexander Veselovsky. Actual Aspects of His Heritage. Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 230–261. (In Russ.)

2. De Michelis, C. Veselovskij e il protestantesimo risorgimentale. Studi e scritti in memoria di M. Marzaduri. Padova, Cleup, 2002, pp. 101–109. (In Ital.)
3. Engelgard, B.M. *Aleksandr Nikolaevich Veselovskij* [Alexander Nikolaevich Veselovsky]. Petrograd, Kolos Publ., 1924. 214 p. (In Russ.)
4. Veselovsky, A.N. *Sobranie sochinenij. T. 4. Vyp. 2 (Seriya II: Italiya i Vozrozhdeniye. T. 2. Vyp. 2 (1861–1876))* [Collected Works. Vol. 4, Issue 2 (Series II: Italy and the Renaissance. Vol. 2, Issue 2 (1861–1876))]. St. Petersburg, Imp. Acad. nauk Publ., 1911. VI, 336 p. (In Russ.)
5. Veselovsky, A.N. *Sobranie sochinenij. T. 3 (Seriya II: Italiya i Vozrozhdeniye. T. 1 (1859–1870))* [Collected Works. Vol. 3 (Series II: Italy and the Renaissance. Vol. 1 (1859–1870))]. St. Petersburg, Imp. Acad. nauk Publ., 1908. 586 p. (In Russ.)
6. Gusev, V.E. *Neizvestnaia statia Aleksandra Veselovskogo <“O narodnoj politicheskoy poezii v Italii”>* [An Unknkown Article by Alexander Veselovsky <“On the People’s Political Poetry in Italy”>]. *Izvestiâ Akademii nauk SSSR. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of USSR: Studies in Literature and Language]. 1959, Vol. 18, Issue 4, pp. 358–374. (In Russ.)
7. Veselovsky, A.N. *La Bella Italia i nashi severnye turisty* [La Bella Italia and Our Northern Tourists]. *Literaturnaya mysl* [Literary Thought]. Petrograd, 1922. Part 1, pp. 8–9. (In Russ.)
8. Kovalskya, M.I. *A.N. Veselovskii i italianskoe Risordzhimento* [A.N. Veselovsky and the Italian Risorgimento]. *Problemy italianskoi istorii* [Problems of the Italian History]. Moscow, 1987, pp. 229–249. (In Russ.)
9. Gorsky, I.K. *Dante i nekotorye voprosy istoricheskogo razvitiia Italii v trudakh i vyskazyvaniiah A.N. Veselovskogo* [Dante and Several Aspects of Historical Development of Italy in the Works and Sayings of A.N. Veselovsky]. *Dantovskie chteniya* [Dante’s Readings]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 65–141. (In Russ.)
10. Marzaduri, M. *Gli anni italiani di A.N. Veselovskij*. In: *Annali della facolta’ di lingue e letterature straniere di Ca Foscari, 1973, Vol. 12, pp. 73–97*. (In Ital.)
11. Ge, N.N. *Pisma. Statji. Kritika. Vospominaniia sovremennikov* [Letters. Articles. Critique. Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 400 p. (In Russ.)
12. Zhirmunsky, V.M. *Istoricheskaiia poetika Aleksandra Veselovskogo* [Alexander Veselovsky’s Historical Poetics]. Veselovsky A.N. *Istoricheskaiia poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1940, pp. 3–41. (In Russ.)
13. Shishmarev, V.F. *N.Ya. Marr i A.N. Veselovskii* [N.J. Marr and A.N. Veselovsky]. *Yazyk i myshlenije* [Language and Mind]. Vol. VIII. Moscow, Leningrad, 1937, pp. 321–343. (In Russ.)
14. Mazzanti, S. *La ricezione di A.N. Veselovskij*. In: *Ricerche slavistiche 11 (57), 2013, pp. 369–425*. (In Ital.)
15. Chlodovskij, R. *Aleksandr Veselovskij e l’Italia*. In: *I Russi e l’Italia. A cura di V. Strada. Milano, Banco Ambrosiano Veneto, 1995*. (In Ital.)
16. Gorskii, I.K. *Ob istoricheskoi poetike Aleksandra Veselovskogo* [About Alexander Veselovsky’s Historical Poetics]. Moscow, Vyshaya shkola Publ., 1989 [http://az.lib.ru/w/weselovskij_a_n/text_0020.shtml]. (In Russ.)
17. Pypin, A.N. *Istoriia russkoi etnografii* [History of the Russian Ethnography]. Vol. 2. St. Petersburg, 1891. 428 p. (In Russ.)
18. Da Prato, G. *Villa Alberti: ritrovi e ragionamenti del 1389. Romanzo. Dal codice autografo e anonimo della Ricciardiana a cura di Alessandro Wesselofsky*. Bologna, Gaetano Romagnoli, 1867. 369 p. (In Ital.)
19. Azadovskii, M.K. *A.N. Veselovskii kak issledovatel folklorâ* [A.N. Veselovsky as a Folklore Scholar]. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Sciences of USSR. Section of Social Studies]. 1938, No. 4, pp. 97–101. (In Russ.)
20. Weselofsky, A. *La Griselda di Boccaccio e la Novella russa*. In: *La Civiltà Italiana, 1864, No. 1, pp. 156–157*. (In Ital.)
21. Weselofsky, A. *Le tradizioni popolari nei poemi di Antonio Pucci*. In: *L’Ateneo Italiano. Giornale di Scienze, Lettere e Arti, con le Effemeridi del Pubblico Insegnamento, 1866, No. 15, 15 aprile, pp. 225–229*. (In Ital.)
22. Weselofsky, A. *La favola della fanciulla perseguitata*. In: *Novella della figlia del re di Dacia. Pisa, Nistri, 1866, p. 112*. (In Ital.)
23. Rabboni, R. *Il Pucci di D’Ancona e Veselovskij Firenze alla vigilia del Rinascimento. Antonio Pucci e i suoi contemporanei*. In: *Atti del convegno di Montreal 22–23 ottobre 2004, McGill University. A cura di M. Bendinelli Predelli. Cadmo, Fiesole, 2006, pp. 271–315*. (In Ital.)
24. Rabboni, R. *Un articolo di A.N. Veselovskij: “L’usura nella scala dei peccati in Dante” (1889)*. In: *Lettere Italiane, Vol. 60, No. 4 (2008), pp. 473–509*. (In Ital.)
25. Tobia, B. *La statuarìa dantesca nell’Italia liberale: tradizione, indentità e culto della nazione*. In: *Mélanges de l’école française de Rome Année 1997, 109–1, pp. 75–87*. (In Ital.)

26. Mosse, G. *La nazionalizzazione delle masse. Simbolismo politico e movimenti di massa in Germania (1812–1933)*. Bologna Il Mulino, 1975. 311 p. (In Ital.)
27. Gellner, E. *Nations and nationalism*. Oxford, 1983.
28. Hobsbawn, E. *Nations and nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality*. Second edition. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1992. 199 p.
29. Chabod, F. *L'idea di Nazione*. 20 ed. Roma, Laterza, 2008. 165 p. (In Ital.)
30. Carducci, G. *Primizie e reliquie*. Bologna, N. Zanichelli, 1928. 381 p. (In Ital.)
31. Hobsbawn, E., Ranger, T. *L'invenzione della tradizione*. Torino, Einaudi, 1983. 202 p. (In Ital.)